



Приглашаем к обсуждению

МНОГООБРАЗИЕ ТРАКТОВОК ПОНЯТИЯ «РУССКИЙ МИР»

УДК 304.42

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-1117-15-20>

Ю. В. Кот

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: kotkot_76@mail.ru

Е. Л. Кудрина

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: kudrina_el@mgik.org

Аннотация: Рассматриваются различные дискурсы Русского мира, которые отражают многогранность данного феномена. Прослеживаются истоки формирования концепции Русского мира, которые уходят в XIX век. Выделяются две принципиально значимые фигуры – Ф. М. Достоевский и Н. Я. Данилевский, сформировавшие основные подходы к Русскому миру, получившие развитие и в современности. В итоге определяется инвариантное ядро Русского мира, основанное на духовной сверхэтничности русскости, а также – на историософской сущности русской идеи.

Ключевые слова: Русский мир, Россия, русская идея, историософия, православие.

Для цитирования: Кот Ю. В., Кудрина Е. Л. Многообразие трактовок понятия «Русский мир» // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. №1 (117). С. 15–20. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-1117-15-20>

КОТ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ – декан факультета медиакоммуникаций и аудиовизуальных искусств, Московский государственный институт культуры

КУДРИНА ЕКАТЕРИНА ЛЕОНИДОВНА – доктор педагогических наук, профессор, ректор Московского государственного института культуры, заслуженный работник культуры Российской Федерации, действительный член Международной академии наук высшей школы, Российской академии естественных наук, Петровской академии наук и искусств

КОТ YURI VLADIMIROVICH – Dean of the Faculty of Media Communications and Audiovisual Arts, Moscow State Institute of Culture

KUDRINA EKATERINA LEONIDOVNA – DSc in Pedagogy, Professor, Rector of Moscow State Institute of Culture, Honored Worker of Culture of the Russian Federation, Full Member of the International Academy of Sciences of Higher Education, Academy of Natural Sciences, Petrovsky Academy of Sciences and Arts

© Кот Ю. В., Кудрина Е. Л., 2024



THE VARIETY OF INTERPRETATIONS OF THE CONCEPT OF THE «RUSSIAN WORLD»

Yuri V. Kot

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation,
e-mail: kotkot_76@mail.ru

Ekaterina L. Kudrina

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation,
e-mail: kudrina_el@mgik.org

Abstract: Various discourses of the Russian world are considered, which reflect the versatility of this phenomenon. The origins of the formation of the concept of the Russian world, which go back to the 19th century, are traced. Two fundamentally significant figures stand out: F. M. Dostoevsky and N. Ya. Danilevsky, who formed the main approaches to the Russian world, which have been developed in modern times. As a result, the invariant core of the Russian world is determined, based on the spiritual super-ethnicity of Russianness, as well as on the historiosophical essence of the Russian idea.

Keywords: Russian world, Russia, Russian idea, historiosophy, Orthodoxy.

For citation: Kot Yu. V., Kudrina E. L. The variety of interpretations of the concept of the «Russian world». *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2024, no. 1 (117), pp. 15–20. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-1117-15-20>

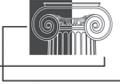
Обращение к «русскости», русской культуре, Русскому миру является сегодня не только предметом исключительно научного интереса. Оно имеет важное стратегическое значение, поскольку в последние десятилетия нашей культуре и нашей национальной идентичности бы нанесен серьезный урон.

При этом мы вынуждены констатировать *концептуальную неоднозначность* и непроработанность данного понятия вплоть до нынешнего момента. Известный российский философ В. Н. Расторгуев еще в 2015 году писал: «В последние годы в бесчисленных дискуссиях о «русском мире» наши аналитики напустили много теоретического тумана, но так и не предложили ни одной сколько-нибудь заметной и, главное, признанной научной концепции или школы, в рамках которой появился бы известный концепт, раскрывающий идею русского мира» [11, с. 152–158].

Рассеивается ли этот «теоретический туман» относительно Русского мира с течением

времени? Изменилась ли ситуация с того времени? И если изменилась, то как? Большинство современных трактовок Русского мира соответствуют одной из позиций в следующей типологии подходов к анализу содержания понятия «Русский мир»: 1) геополитическая реальность; 2) геоэкономическая реальность; 3) неповторимая этнокультурная общность людей, проживающих не только в России; 4) православная цивилизация [6, с. 210]. Это достаточно устойчивая типология, отражающая реальное исследовательское поле. В этих трактовках Русский мир выступает в качестве *позитивной ценности национального и культурного самосознания, его глубинного инвариантного ядра и духовного архетипа*.

При этом необходимо отметить, что, несмотря на существующую классификацию различных подходов к пониманию Русского мира, современные исследователи полагают, что «единого определения понятия “Русский мир” не существует»; что «понятие “Русско-



го мира“ и выстроенная /выстраиваемая вокруг него концепция до сих пор недостаточно определены»; что «вопрос о Русском мире относится к числу открытых вопросов» [6, с. 27]. Такое положение вещей не исключает, а как раз стимулирует дальнейшие исследования Русского мира в разных аспектах.

Важным является анализ ценностного перелома в мире, произошедшего после развала СССР. Вот, например, каким образом Н. А. Нарочницкая объясняет это: «Новый передел мира, начавшийся с разрушением исторического государства Российского под видом краха коммунизма, осуществляется, как и «во времена тиранов», прямой военной силой, однако под флером псевдогуманистического либерального универсализма. Центральная новая идеологема – «права человека» и земная жизнь как высшая ценность – этот либеральный новый «коммунистический манифест» апостасии XXI века, становится логическим завершением идеи автономности человека от Бога, итогом антихристианского Просвещения, который к рубежу Третьего Тысячелетия ведет через безверие к полной дегуманизации человека и подрыву не только двухтысячелетней христианской культуры, но и самого человеческого общежития, ибо человек только там, где дух выше плоти» [7, с. 13].

Как геополитические пророчества о Русском мире звучат слава В. Л. Цымбурского: «Наступающий век с определяющей конфигурацией «острова Россия» требует от ее правителей нового геополитического такта, минимизации негативных возмущений извне на решающей стадии становления городской России, в гармонизированных отношениях русского города с землей (после страшного торжества над деревней в XX веке). Стремиться к тому, чтобы городская Россия успела оформиться и предстать к моменту, когда закат нынешнего мирового порядка поставит русских перед проблемами, сейчас лишь отчасти воображаемыми» [14, с. 11]. В. Л. Цымбурский говорил также о невозможности ограничения Русского мира только лишь русскими диаспорами и общинами за рубежом, отмечая

при этом, что современная Россия является ядром Русского мира и «генератором русскости» [13, с. 513].

В. В. Кожин делает интересные наблюдения о феномене русского западника, который в современном контексте является антиподом Русского мира: «Западник – это в конечном счете «разновидность», «тип» именно русского человека, которым овладело стремление превратиться в западноевропейца, и с известной точки зрения «русское» в этом типе выступает даже более явно и резко, чем в тех русских людях, которые попросту живут в своем мире, оставаясь самими собой. Более резко потому, что в «западниках» очевиден как бы некий надлом, или, пользуясь популярным определением, «комплекс национальной неполноценности», который они стремятся изжить. Поэтому последовательное западничество являет собой, в сущности, один из видов русского экстремизма (который вообще характерен для русских)» [5, с. 199].

Преодолевая национальные рамки, Русский мир становится цивилизационной идеей. Это возможно лишь благодаря сотрудничеству всех народов России и родственных русским народам других государств, представители которой соединены между собой духовными феноменами: общими традициями, языком, образом жизни, ценностями и вообще, исторической судьбой. Духовный фактор оказывается первичнее прочих, основанных на эмпирических реалиях, таких как территориальные границы, например. Это важно для русской аксиосферы в целом, которая отличается тем, что духовное всегда ставит выше материального в любой сфере. В данном случае – в вопросах социального и культурного строительства Русского мира. Схожую позицию высказывает С. В. Перевезенцев: «Совместными усилиями народы России, объединившись вокруг русского народа, создали уникальное цивилизационное образование – Русский мир» [9, с. 10].

Среди современных исследований Русского мира достаточно большое количество работ, посвященных классическим именам



русской философии, которые внесли существенный вклад в формировании онтологии Русского мира. Исследования посвящены Ф. М. Достоевскому, Н. А. Бердяеву, И. А. Ильину и др. Например, про И. Ильина современный исследователь пишет: «Феномен русской культуры мыслитель толкует широко, включая веру, ход исторического развития, историю становления государства, комплекс главных общественных проблем, но прежде всего он имеет в виду пронизывающую весь русский мир и одухотворяющую Россию и русский народ особую стихию» [10; 12].

Истоки формирования концепции Русского мира уходят в XIX век, когда, как в эпоху царствования Николая I, произошло заметное оживление национального вопроса. Значительным стимулом к пробуждению национального самосознания, которое серьезно озаботилось вопросами культурной самобытности, исторического пути и места в мировой истории, было, конечно, выступление П. Я. Чаадаева в «Философических письмах», где он поставил под сомнение само существование России как полноценного государственно-цивилизационного образования. Известны его радикальные высказывания в адрес России: «Мы никогда не шли об руку с прочими народами; мы не принадлежим ни к одному из великих семейств человеческого рода; мы не принадлежим ни к Западу, ни к Востоку, и у нас нет традиций ни того, ни другого. Стоя как бы вне времени, мы не были затронуты всемирным воспитанием человеческого рода» [15, с. 41].

Несмотря на острый и подчас несправедливый критицизм, у Чаадаева присутствует глубокое провиденциальное и историософское убеждение в том, что, несмотря на все исторические неудачи и культурную непродуманность, у нас есть *предназначение* и какая-то *исключительность*, которую он чувствует. Он не может рационально выразить, в чем это предназначение и исключительность, но он – как христианский философ – убежден (в отличие от секулярных либералов), что это предназначение есть.

Размышления Чаадаева имели, безусловно, положительное влияние на развитие русской общественной мысли, на становление отечественной историософии. Как отмечает исследователь С. А. Нижников, «Чаадаев актуализировал проблему развития России и Западной Европы в их соотнесенности, способствуя тем самым формированию славянофильского и западнического общественно-политических направлений в русской мысли. Он выразил общее стремление к осмыслению истории, к философскому осознанию прошлого и будущего» [8, с. 488].

Несмотря на то, что в XIX веке мы не сможем назвать ни одного значительного имени, которое бы не занималось вопросами, связанными с Россией, все же выделяются две фигуры, более всего имевшие отношение к становлению концепта Русского мира. Это Ф. М. Достоевский, давший глубинное понимание русской идеи, которая с тех пор является неотъемлемым духовным содержанием Русского мира, и «крестный отец» Русского мира Н. Я. Данилевский. У них, безусловно, много общего – как в раскрытии уникальности России и ее культуры, так и в ее отличии от западноевропейской, более всего – романо-германской Европы, испытывающей традиционное враждебное отношение к России.

В своем фундаментальном труде «Россия и Европа» Н. Я. Данилевский затронул широкий спектр вопросов, имеющих самое непосредственное отношение к современности. Трудно назвать проблему, затронутую им в середине позапрошлого столетия, которая не обсуждалась бы сегодня, не была бы актуальна. Это и традиционная враждебность Европы к России, и невежество Европы относительно России, и вопрос о принадлежности России к Европе, и различия между Западом и Востоком, и отношение народного к общечеловеческому, и вопрос о гибели Запада, и Константинополь, и русская подражательность Западу, и оценка войн, которые вела Россия, и русские бунты, и противоположность между Америкой и Россией



и многое другое, не сходящее повестки дня уже второе столетие. И, конечно, главный вопрос, имеющий непосредственное отношение к Русскому миру, это славянский культурно-исторический тип и место России в нем.

Историософская концепция Русского мира, представленная в «Пушкинской речи» Достоевского, безусловно, является не просто вершиной национальной историософии, но и всей духовной культуры России, ее вселенской миссии. Для самого автора – это было вершинным событием в его жизни и творчестве: «Достоевский вложил в «Пушкинскую речь» самое сокровенное, что он вынашивал всю свою жизнь» [3, с. 324]. Идея о «всемирной отзывчивости» русского человека, часто до конца не понимаемая, а также мысль о «всечеловечности» русского национально-идеала, представляет собой своего рода «светскую транскрипцию» церковного идеала соборности, спроецированную на эмпирическую реальность национального бытия. «Национальная идея русская есть, – говорит Достоевский, – в конце концов, всемирное общечеловеческое единение» [2, с. 131].

Это чисто *христианский идеал*, на бесконечность отстоящий от либеральных идеалов общечеловеческого прогресса, или глобализации в современном англосаксонском виде, представляющий собой чисто секулярный вариант. У Достоевского же прямая отсылка к словам апостола Павла, «где нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос» (Кол. 3: 11–11). Критики Достоевского не поняли разницы между *всечеловеческим* и *общечеловеческим*. Тонкий лексический нюанс, за которым стоят целые миры. У Достоевского *всечеловек* – это христианин, и его слова «стать всечеловеком» не имеют никакого геобаллистического смысла, это стремление *быть христианином*. Все-человек – это Христос, объединяющий все человечество *в себе*, в то время как *общечеловек* – человек общества, «общественный, секулярный, ничейный, всегда объединенный какими-то ложными идеями и принципами».

Сербский богослов и философ, святой Сербской православной церкви преп. Иустин (Попович) посвятил изучению Достоевского много времени. Вот каким образом он поясняет христианский смысл «Пушкинской речи» писателя: «Всечеловечество, богочеловечество есть цель человечества; богочеловеческий всечеловек есть цель человека – так учит Православие, так учит Достоевский. Об этом всечеловеке и о всечеловечестве Достоевский начал говорить и писать первым, а в конце концов по-пророчески и по-апостольски провозгласил это, проповедуя всечеловека и всечеловечество в своей вдохновенной «Пушкинской речи»» [4, с. 292]. Исходя из этого, преп. Иустин так определяет миссию русского народа в свете идеалов Достоевского: «Такую великую всечеловеческую роль Достоевский отводит русскому народу не потому, что это русский народ, а потому, что это православный народ, потому что он православный Образ Христа хранит свято и благолепно» [4, с. 292].

Русский мир в свете такого понимания – это *пространство мирового смысла*, пространство, где *творяются смыслы*, где обиденная жизнь во всей ее суе и бессмысленности, абсурдности и пустоте *наполняется высшим смыслом*. Неслучайно поиск смысла – отличительная черта отечественной философии.

Таким образом, подведем итоги. В современном исследовательском пространстве обнаружены различные *дискурсы Русского мира*, среди которых лингвистический, религиозный, литературоведческий, филологический, исторический, политологический, культурологический и, собственно, философский. На фоне этой многоголосицы выявлено инвариантное ядро Русского мира, основанное на духовной сверхэтничности русскости, а также – на историософской сущности русской идеи, которую можно определить, как духовный бастион традиционных ценностей (Катехон), удерживающий мир от антропологической деградации и физического уничтожения.



Список литературы

1. Бедаев А. И., Михайлова Е. А., Тихонова В. Л. Русские общины в интеграционных механизмах каспийского региона // *Caspium Securitatis*. 2021. № 4. С. 27–42.
2. Достоевский Ф. М. Объяснительное слово по поводу печатаемой ниже речи о Пушкине. Дневник писателя. 1880 / Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30 томах. Т. 26. Ленинград: Наука, 1984. С. 129–136.
3. Захарова О. В. Христианский смысл «Пушкинской речи» Достоевского // *Проблемы исторической поэтики*. 2022. Т. 20. № 2. С. 324–336.
4. *Иустин (Попович) преподобный*. Философия и религия Ф. М. Достоевского. Мн.: Издатель Д. В. Харченко, 2007. 312 с.
5. *Кожин В. В.* Россия как цивилизация и культура. Москва: Институт русской цивилизации, 2012. 1072 с.
6. *Кочеров С. Н., Париков О. В.* Философия русской идеи. Москва: Издательский Дом «Русская Философия», 2022. 300 с.
7. *Нарочницкая Н. А.* Русский код развития. Москва: Книжный мир, 2013. 352 с.
8. *Нижников С. А. П. Я. Чаадаев: от мифологического образа к реальному лицу* // *Вестник РУДН. Серия: Философия*. 2017. Т. 21. № 4. С. 488–494.
9. *Перевезенцев С. В.* Русская история: с древнейших времен до начала XXI века. Москва: Академический проект, 2018.
10. *Пономарев Е. Р.* Отечество в философских построениях И. А. Ильина: литературные проекции // *Studia Litterarum*. 2021. Т. 6, № 3. С. 222–243.
11. *Расторгуев В. Н.* «Русский мир» и цивилизационная идентичность // *Вестник ПСТГУ: Богословие. Философия* 2015. Выпуск 3 (59). С. 152–158.
12. *Соловьев В. М.* Модели русской национально-культурной идентичности И. А. Ильина // *Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки*. 2020. Выпуск 2 (831). С. 218–229.
13. *Цымбурский В. Л.* Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. Москва: РОССПЭН, 2007. 543 с.
14. *Цымбурский В.* Конъюнктуры Земли и Времени. Геополитические и хронополитические интеллектуальные расследования. Москва: Европа, 2011. 372 с.
15. *Чаадаев П. Я.* Философические письма // *Статьи и письма*. Москва: Современник, 1989. С. 38–147.

*

Поступила в редакцию 26.01.2024